

Врач мог только бросить умоляющий взгляд на Цзянь Шиу. Толстяк получил этот сигнал, но не хотел вмешиваться. Сцена в коридоре оставила в нём глубокий след, и страх, как приливная волна, снова накрыл его, почти утопив. Он больше не решался просто так открывать рот.

К сожалению, врач продолжал смотреть на него, будто готов был упасть на колени.

— Староста, может, всё-таки обработать рану? — пробормотал Цзянь Шиу, скрепя сердце.

Шэнь Чэн бросил на него взгляд и спокойно спросил:

— Это необходимо?

— Угу! — кивнул толстяк.

В любом случае, он сделал своё дело, а слушает ли Шэнь Чэн или нет — это уже не его забота...

— Хорошо, — обратился Шэнь Чэн к врачу. — Позже обработайте рану.

?

На головах Цзянь Шиу и врача одновременно появились вопросительные знаки.

Один был удивлён, что это сработало, другой — что это вообще возможно. Только врач был рад, а Цзянь Шиу — скорее напуган.

...

Наконец все добрались до комнаты с камерами наблюдения, где уже находились охранники, настраивавшие оборудование.

Когда на экране появилась фигура Шэнь Чэна, на лице старой госпожи появилась довольная улыбка. Она посмотрела на остальных:

— Я же говорила, ты должен быть на втором этаже, как ты оказался на третьем?

Шэнь Чэн молчал.

Старая госпожа решила, что он смутился, и стала ещё более довольной. К сожалению, следующие кадры с камер постепенно лишили её улыбки. Начиная с того, как Цзи Бэйчуань попытался украсть флакон с лекарством, и заканчивая тем, как Шэнь Чэн начал настойчиво допрашивать его, выражение лица старой госпожи постепенно застывало.

Атмосфера в комнате стала странной.

Пока Цзи Бэйчуань не произнёс:

— После её смерти я всё равно не смогу унаследовать состояние!

Эта короткая фраза словно сбила всех с ног.

Тело старой госпожи пошатнулось, её лицо стало бледным, а выражение — ужасным.

Цзи Бэйчуань был в панике. Он, словно пытаясь схватить руку старой госпожи, начал оправдываться:

— Бабушка, бабушка, это не так, я не хотел, я просто хотел вернуться к тебе, я не хотел тебе навредить, бабушка, послушай меня...

Старая госпожа тяжело дышала. Хотя она приняла лекарство, слишком сильный стресс всё же был для неё непосильным. Она шаталась, её лицо было бледным.

— Не волнуйся так! — снова достал лекарство Цзянь Шиу.

Слуги поспешили подать воды.

Старая госпожа проглотила лекарство и немного полежала на диване, прежде чем прийти в себя. Всё это время Цзи Бэйчуань, стоя на коленях рядом, непрерывно плакал. Он был в панике и даже начал хвататься за одежду Шэнь Чэна:

— Шэнь Чэн, объясни за меня, объясни, пожалуйста, ты же знаешь, что я не это имел в виду...

Шэнь Чэн смотрел на него сверху вниз, его лицо было бесстрастным.

В этот момент снаружи вбежал запыхавшийся дворецкий:

— Господин!

Цзи Юаньшэн продолжал смотреть записи с камер. Даже если электричество отключилось, и всё было в темноте, камеры в усадьбе работали от независимого источника питания. В темноте было трудно что-то разглядеть, но можно было увидеть, как Шэнь Чэн мгновенно понял, что в офисе может произойти кража, и, когда осознал, что может не успеть, решительно полез наверх. Это была решимость, которой не каждый взрослый мог обладать.

Хотя изображение было размытым, и не показывало, насколько тяжело было Шэнь Чэну, Цзи Юаньшэн знал, что этот парень явно не был так спокоен, как казалось. Его рука была ранена, но, когда он вошёл в комнату, если бы он сам не заметил, он был уверен, что Шэнь Чэн никогда бы не стал хвастаться своими заслугами.

Цзи Юаньшэн был тронут и взволнован, а гнев и напряжение из-за кражи этой ночью начали рассеиваться. Он спросил дворецкого:

— Что случилось?

— Это...

Дворецкий взглянул на Цзи Бэйчуаня, стоявшего неподалёку, и тихо сказал:

— Сегодня вечером, на праздновании дня рождения старой госпожи, гости были во дворе и в главном зале, где было много людей. Непонятно, почему господин Шэнь Дашань оказался один в заднем саду, где почти никого не было. Это было место, где могли встретиться воры и их сообщники. Возможно, они столкнулись с господином Шэнь...

— С ним всё в порядке? — почувствовал неладное Цзи Юаньшэн.

Дворецкий сжал губы, его лицо стало серьёзным:

— Когда мы его нашли, он был без сознания, с серьёзными ранами. Не исключено, что господин Шэнь увидел что-то, что могло привести к его устранению. Я уже отправил машину в больницу, но удастся ли его спасти...

Он не понизил голос, и большинство в комнате услышали его слова.

Цзи Бэйчуань, всё ещё озабоченный тем, как вернуться в семью Цзи, услышал это и остолбенел, его голова опустела:

— Что вы сказали?

— Не волнуйтесь, больница сделает всё возможное, — с сочувствием ответил дворецкий.

Эти слова заставили Цзи Бэйчуаня обмякнуть на полу. Он даже перестал думать о том, сможет ли вернуться в семью, в его голове непрерывно прокручивался недавний разговор с Шэнь Дашанем:

«Папа не знает дорогу, не знает людей, куда я могу пойти?»

«Иди куда хочешь, найди безлюдное место, чтобы не позориться.»

Это он, это он заставил Шэнь Дашаня уйти.

Если бы он был чуть более терпеливым, он мог бы отвести Шэнь Дашаня в одну из гостиных в усадьбе, где тот мог бы отдохнуть.

В голове Цзи Бэйчуаня прокручивались последние дни, проведённые с Шэнь Дашанем. Осторожный мужчина заботился о нём, всегда улыбался, словно никогда не злился. Он всегда осторожно звал его:

«Бэйчуань, Бэйчуань...»

Но он никогда не отвечал ему добром.

В своих злых мыслях он даже желал, чтобы Шэнь Дашань и Гао Цань исчезли, чтобы эта пара навсегда исчезла с лица земли, чтобы он не потерял всё.

Но он забыл, что если бы не Гао Цань и Шэнь Дашань, он бы не родился на свет. Если бы они не взяли на себя всю критику и давление, чтобы передать его в семью Цзи, он бы не жил в роскоши. Он лишь винил судьбу в несправедливости и вымещал свою злость на родителях, забывая, что эта злость была несправедлива и по отношению к ним. Гао Цань и Шэнь Дашань, возможно, были неправы перед другими, но по отношению к нему они поступали честно.

— Это судьба, не стоит слишком переживать, — мягко утешил дворецкий, вздохнув и видя пустой взгляд Цзи Бэйчуаня.

Внезапно Цзи Бэйчуань словно вернулся в тот день в большом отеле, где было так много людей, и у двери стояла Гао Цань. Он вспомнил, как эта женщина, смеясь, говорила:

«Возмездие, возмездие.»

Не настал ещё час, но возмездие придёт.

В комнате воцарилась тишина.

Раньше Цзи Бэйчуань рыдал, хватая всех за руки, но теперь всё изменилось. Он сидел один, его глаза были красными, но ни одна слеза не упала. Его лицо было бледным.

Старая госпожа наконец пришла в себя. Она медленно села, кашлянула и посмотрела на Шэнь Чэна:

— Почему ты не сказал мне всё сразу в кабинете?

Ведь тогда Шэнь Чэн мог бы просто защитить себя.

— Вы тогда не приняли лекарство, я боялся, что вы не выдержите, — сказал Шэнь Чэн, опираясь на спинку стула.

Старая госпожа уже хотела растрогаться, но Шэнь Чэн спокойно добавил:

— В конце концов, я тоже виноват, что не доставил лекарство вовремя.

...

Старая госпожа молчала несколько мгновений, затем повернулась к Цзи Бэйчуаню и позвала:

— Бэйчуань.

Цзи Бэйчуань напряжённо повернул голову, его голос был хриплым:

— Бабушка.

— Бэйчуань...

Старая госпожа сидела на диване, её тело немного сгорбилось, а аккуратно собранные волосы слегка растрепались, словно она за одну ночь постарела.

Цзи Бэйчуань, спотыкаясь, подполз к ней и взял её руку:

— Бабушка.

Старая госпожа дрожащей рукой коснулась его лица. Хотя прошло совсем немного времени, она вдруг почувствовала, что этот ребёнок стал для неё чужим, словно она никогда не знала его. Как смешно: ребёнок, которого она знала всего пару недель, заботился о ней, беспокоился, что лекарство не подействует сразу, и потому предпочёл не защищаться, а ребёнок, которого она воспитывала более десяти лет, думал о её наследстве.

Как странно.

<http://bllate.org/book/16727/1538366>